

Когда Е Юйчу ощутила на голове уверенные, в меру сильные движения, она лишь тогда очнулась от своего оцепенения: неужели она и в самом деле позволила Цзи Юньду мыть ей голову?

Разве так принимают гостей? Она чувствовала неловкость, но не знала, как об этом сказать.

Покорно позволяя той распоряжаться собой, Цзи Юньду обернула ее полувлажные волосы полотенцем и негромко произнесла:

— Завяжи халат покрепче, не простудись.

Затем она развернулась, вышла из ванной и плотно прикрыла за собой дверь.

Лицо Е Юйчу покраснелось от горячего воздуха. Она обернулась, чтобы взглянуть в зеркало, но то затянуло пеленой пара, оставив лишь размытые очертания. Она подошла ближе и кончиками пальцев протерла стекло, ожидая увидеть свое растерянное отражение — так оно и вышло.

Девушка тихо вздохнула, прикусила нижнюю губу, отвела взгляд и медленно переоделась в пушистую теплую пижаму.

Когда она вышла из ванной, Цзи Юньду по-прежнему находилась в кабинете, прислонившись к книжному шкафу и листая книгу. Высокая и статная, она стояла в тишине, подобно чистому лотосу, поднявшемуся над водой, — ее грация была поистине восхитительной.

— Цзи Юньду, иди тоже помойся, уже поздно, — мягко сказала Е Юйчу.

Та кивнула, проходя мимо, и не забыла напомнить:

— Приготовь лекарство и бинты.

Слушая шум воды, доносившийся из ванной, Е Юйчу поддалась какому-то странному порыву и зашла в кабинет. Из аккуратно расставленных книг она вытянула ту самую, которую только что держала Цзи Юньду.

Это был профессиональный труд по сборнику золотых надписей, подаренный ей научным руководителем в университете. Е Юйчу часто перечитывала его, поэтому знала содержание назубок. Она с любопытством гадала: на какой же странице была сосредоточена Цзи Юньду?

Страницы под пальцами мелькали быстро, шелест создавал особый ритм. Внезапно шум воды в ванной стих. Е Юйчу поспешно закрыла книгу и достала из шкафчика аптечку.

Цзи Юньду уже вышла. Она была обернута в банное полотенце, обнажавшее гладкие плечи и руки. Длинные волосы были небрежно собраны, черные, блестящие и послушные, словно драгоценный оникс.

Юйчу протянула ей заранее приготовленную пижаму:

— Я ниже тебя ростом, эта вещь оказалась мне велика, я ее ни разу не надевала. Думаю, тебе подойдет.

Цзи Юньду приняла одежду. Е Юйчу вспомнила о самом важном и смущенно попыталась прояснить ситуацию:

— Поскольку, кроме сестры, у меня почти не бывает гостей, я переоборудовала гостевую комнату под кабинет. Уже так поздно, стелить на полу было бы слишком хлопотно. Ты не против, если мы переночуем вместе?

Цзи Юньду замерла.

— Ничего страшного, я могу и на диване поспать. В последние дни я и так доставила тебе много хлопот, — Е Юйчу стало еще более неловко, и она поспешно предложила запасной вариант.

— Не нужно усложнять, отдохнем здесь, — Цзи Юньду отвергла второе предложение. — Я переоденусь.

Е Юйчу не поняла, зачем та добавила последнюю фразу, пока Цзи Юньду не собралась развязать полотенце на груди. Только тогда до нее дошло. Она в испуге отвернулась, поспешно вышла из комнаты и прикрыла дверь:

— Я пойду в туалет.

Вернувшись в комнату с двумя стаканами теплой воды, Е Юйчу застала Цзи Юньду, которая сидела на корточках, обрезаая бинт. В комнате было тепло — очевидно, Цзи Юньду включила кондиционер.

Она жестом пригласила Е Юйчу к кровати:

— Садись, будем менять повязку.

Е Юйчу все еще чувствовала себя неловко — это было заметно еще по ее поведению в ванной. Она не помнила своего детства, но с семнадцати лет, с тех пор как начала себя осознавать, никогда не позволяла себе проявлять нежность или близость с кем-либо, кроме сестры.

А теперь ей предстояло сидеть перед Цзи Юньду и задирать одежду...

Как ни крути, а ситуация была странной.

Цзи Юньду, казалось, ничего не замечала, старательно нанося лекарство на раны, оставленные колючками. Ее движения были точными, а прохладные кончики пальцев медленно распределяли порошок. Е Юйчу ощущала это прикосновение, словно к телу приложили холодный нефрит, и невольно снова погрузилась в свои мысли.

Вдруг, будто что-то вспомнив, Е Юйчу тихо вскрикнула и схватила Цзи Юньду за запястье:

— Я помню, ты ведь тоже пострадала! Тогда, когда тебя ранил Аоинь, как ты сейчас?

Цзи Юньду остановилась и покачала головой:

— Аоинь меня не задел.

— Ты прикрыла меня от Юнь Ло, я видела, как Аоинь взмахнул стальными когтями у тебя за спиной... — в ее глазах читалась тревога. — Повернись, дай мне посмотреть рану.

Цзи Юньду прижала ее за плечо и тихо вздохнула:

— Не балуйся, бинт сейчас разматается. Давай быстрее закончим с перевязкой и отдохнем. Если бы я была ранена, зачем мне скрывать это от тебя?

Е Юйчу не нашлась что ответить.

— Ты правда в порядке? — она все еще сомневалась.

— Конечно, — Цзи Юньду кивнула и спросила в ответ: — Откуда у тебя этот кулон?

— Ты об этом? — внимание Юйчу переключилось, она посмотрела на украшение. — Это подарок учителя моей сестры. Она занималась полевой археологией, а господин Ся в свободное время увлекался коллекционированием нефрита. Когда случилась авария и я лежала в коме, сестра работала и училась одновременно. Господин Ся очень нам помогал. После выписки он подарил нам пару нефритов из своей коллекции: на моем вырезано Долголетие, а на ее — Счастье.

Е Юйчу потянула за цепочку: кулон был размером с камешек для го. Округлый, гладкий, с плоской задней стороной, он действительно напоминал фишку. Она перевернула его и увидела выгравированный иероглиф Долголетие, выполненный печатным шрифтом.

— После того как в семье случилась беда, сестра стала верить в такие вещи и наказала мне никогда его не снимать.

Цзи Юньду продолжала свое дело, наматывая бинт ей на поясницу. Прохладные пальцы скользили по коже, вызывая щекотку.

Е Юйчу рефлекторно вздрогнула, и тут над головой снова раздался голос:

— А ты знаешь, к какой эпохе относится этот нефрит?

— М? — Е Юйчу замаялась. — Не знаю. Я изучала древнюю литературу, в нефритах разбираюсь неважно, куда хуже, чем в бронзе.

— Древнюю литературу?

— Да, специализируюсь на гадательных надписях эпох Шан и Чжоу, а также на эпиграфике.

— Готово, — Цзи Юньду закрепила последний виток бинта. Е Юйчу опустила одежду и посмотрела на часы: из-за всех этих хлопот было уже два часа ночи.

— Раз ты училась на филолога, почему решила стать полицейским?

Юйчу подавила беззвучный зев и потерла глаза. В теплой спальне, на мягком матрасе, сонливость нахлынула, словно река.

Услышав низкий голос Цзи Юньду, она наклонила голову, задумалась, легко улыбнулась и неожиданно спросила в ответ:

— Цзи Юньду, у тебя бывает такое чувство? Когда что-то дается тебе легко, ты быстро достигаешь мастерства, но при этом тебе это совсем не по душе.

Она закуталась в одеяло, свернулась калачиком и пробормотала:

— Я быстро запоминаю эти гадательные надписи, иногда мне кажется, что я их не учу, а узнаю инстинктивно. Но те предсказания, обрывки текстов... я не люблю их так, как хотелось бы моему учителю. А что до полиции... хотя я пошла туда в основном ради заработка, но, наверное, мне просто не дает покоя мысль, что виновника той аварии так и не нашли, а компенсацию получить не удалось.

Цзи Юньду стояла у кровати, глядя на засыпающую девушку, ее взгляд был спокойным и глубоким.

Е Юйчу, заметив, что та все еще стоит, сонно пробормотала:

— Иди спать... уже очень поздно.

Цзи Юньду послушно присела на край кровати и тихо ответила. Е Юйчу окончательно выбилась из сил и вскоре провалилась в забытие.

Цзи Юньду приглушила свет настольной лампы, глядя на спокойное лицо девушки, и медленно потянулась к ее шее, чтобы достать кулон. Ее движения были такими легкими, или, возможно, Е Юйчу была слишком утомлена, но она ничего не почувствовала.

Взгляд Цзи Юньду потемнел: нефриты из Куньлуня, даже при минимальной обработке, по патине можно было сказать, что они долго пролежали в земле. Было нетрудно догадаться, что кулон очень древний — по крайней мере, начало династии Хань, а если рискнуть, то и эпоха Цинь. Цзи Юньду бережно погладила его, невольно взяв на заметку этого господина Ся.

Она вглядывалась в черты лица девушки в свете лампы. Это лицо было ей до боли знакомо. Но даже самое родное лицо и имя, хранящееся в глубине души, еще не означали всей правды. В конце концов, это случилось не впервые, и как докопаться до истины, Цзи Юньду не знала — она была бессильна. Она, над которой насмеялась судьба, казалась себе такой ничтожной.

Она долго смотрела на это лицо, не моргая.

Вдруг она протянула руку и коснулась пряди волос у виска Е Юйчу. Те были мягкими и легкими, рассыпавшись по подушке. Только что они ласкали ее пальцы — влажные, длинные, ниспадающие до пояса, гладкие и настоящие.

— Юйчу, — словно в бреду, прошептала она имя спящей. — Юйчу.

— ...М? — та, казалось, начала просыпаться и потянулась рукой, чтобы включить свет. Цзи Юньду поспешно перехватила ее ладонь и сжала в своей.

— Юйчу, скажи мне, что ты видела в Чжанцзяцзе?

— Мгм.

— Чжанцзяцзе, гора Тяньцзы, что ты там видела? — голос Цзи Юньду был низким и завораживающим.

— ...Не шуми, — девушка была в полузабытии, явно не осознавая происходящего.

— Юйчу, послушайся меня. Что было в горах Тяньцзы? — Цзи Юньду почти прижалась к ее уху.

Е Юйчу растерянно открыла глаза, но взгляд был пуст, будто сознание все еще спало. Она наконец медленно ответила:

— Юнь Ло... чудовище Аоинь... Уло...

— Нет, Юйчу, — мягко произнесла Цзи Юньду. — Этого не было. Это сон, это неправда.

— Неправда... — Е Юйчу заворочалась, пытаясь проснуться.

— Это неправда, — голос Цзи Юньду, словно гипноз, проникал в сознание Е Юйчу. — Ты видела облака и туман, красные листья, а потом в старом доме выяснила, что Ван Ян и двое других погибли в горах. Спускаясь, ты оступилась на каменных ступенях и ушиблась.

— Старый дом...

— Да, старый дом, — Цзи Юньду в последний раз спросила ее на ухо: — Юйчу, теперь скажи мне, что ты видела на горе Тяньцзы?

— Красная шапка... Ван Ян...

— Больше ничего?

— Мгм. — Е Юйчу нахмурилась, словно пытаясь с чем-то бороться. Цзи Юньду снова прошептала: — Да, красная шапка и Ван Ян — это все, что ты видела.

С этими словами брови Е Юйчу разгладились, и она окончательно погрузилась в глубокий сон.

Цзи Юньду выпрямилась и осторожно сняла цепочку с кулоном с шеи Е Юйчу. Нефрит в тусклом свете лампы казался теплым и нежным. Она глухо произнесла:

— Куньлунь.

Вокруг на мгновение вспыхнуло и погасло сияние.

— Куньлунь, скажи, неужели в этом мире... — ее брови были нахмурены, она пробормотала: — ...действительно существует перерождение?

Голос растаял в воздухе, ответа не последовало.

— Это просто случайное сходство или же один и тот же человек? — в ее голосе послышалась дрожь. Она смотрела на Е Юйчу, взгляд ее был сложным и полным подавленной боли. — Е Юйчу... Юйчу. Это ты вернулась? Или я снова вижу сон? Это ты?

Е Юйчу дышала ровно, уголки ее губ слегка приподнялись, словно она видела хороший сон. Она не знала, в каком смятении пребывала Цзи Юньду.

Однако Цзи Юньду оставалась собой: как бы сильно ни бушевала буря в ее душе, она умела заставить себя замолчать в тот самый миг, когда волны поднимались выше всего. Даже если бы она задала вопрос небесам, никто — ни боги, ни люди — не дал бы ей ответа. Путь ожидания все равно придется пройти в одиночку, выдерживая любые невзгоды.

— Куньлунь, у нее твердый характер и упорство, каких не встретишь у обычных людей. Боюсь, в будущем ее ждет немало испытаний, бед и невзгод. Я больше не могу быть рядом, прошу, оберегай ее всю жизнь.

Сияние вокруг Цзи Юньду стало ярче, будто кто-то безмолвно принял приказ.

— Оставайся в этом нефрите. Когда она проживет свой век в мире и покое... я заберу тебя домой, — прошептала Цзи Юньду с редким выражением вины в одиноких глазах. — Из-за моего упрямства ты столько натерпелась. Теперь я больше ни о чем не прошу. Дай мне еще немного времени, я попытаюсь... пусть на сердце и горько, но я приму эту судьбу.

Свет, то вспыхивая, то угасая, трижды обернулся вокруг нее. В тот день в пожаре в больнице, при дневном свете, он был невидим, а ночью выглядел лишь как неясное пятно. Но он был наделен разумом и, казалось, утешал Цзи Юньду. Затем он скользнул в кулон и мгновенно погас.

Цзи Юньду снова надела кулон на шею Юйчу, поправила ей волосы, и ее пальцы надолго замерли у ее лба.

Внезапно она наклонилась так низко, что их дыхание смешалось, став почти ощутимым.

Е Юйчу ничего не чувствовала, она спала спокойным сном.

Цзи Юньду смотрела на нее с такого близкого расстояния, что могла пересчитать каждую ресничку, а едва уловимый аромат геля для душа кружил голову. В этой позе она словно собиралась поцеловать ее, но так и не решилась. Наконец, она медленно отстранилась, выпрямилась и бесшумно покинула комнату. Прикрыв за собой дверь, она оказалась в темной гостиной. Тихим, едва слышным шепотом она произнесла:

— Сладких снов, Юйчу.

<http://bllate.org/book/19141/1879924>